

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОС УДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 47

Ред. С.А. Елисеев, В.А. Уткин

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2010

Нам кажется, что реализация указанных предложений без определения пределов, в которых следователь должен удовлетворять ходатайства защиты, как раз и будет являться своеобразным выражением идеи «параллельного расследования», поскольку следователь вынужден будет осуществлять действия, с необходимостью производства которых он может быть не согласен ни с точки зрения тактики расследования, ни с точки зрения самой их обоснованности.

Представляется, что на следователя целесообразно возложить лишь обязанность по фиксации данных, которые необходимы защите и которые в дальнейшем могут быть утрачены. При этом следует определить случаи, в которых в ходатайстве об их закреплении не может быть отказано, в частности обязать орган расследования по ходатайству защитника допрашивать неизлечимо больных лиц, а равно иностранных граждан, которые в дальнейшем могут не пожелать явиться в процесс, а также осматривать и приобщать к делу предметы и вещи, свойства которых могут быть с течением времени утрачены, поскольку положения ст. 281 ГПК РФ в дальнейшем могут лишить защиту возможности оперировать информацией, полученной на предварительном расследовании и утраченной к моменту рассмотрения дела в суде.

В связи с вышеизложенным логичным было бы и дополнение ст. 125 УПК РФ указанием на то, что отказ в ходатайстве о собирании доказательств на стадии предварительного расследования может быть также обжалован защитой в суд, если защитник полагает, что доказательственная информация может быть в дальнейшем утрачена, и если он считает необходимым сформировать доказательство именно на данной стадии.

НАРУШЕНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА КАК ВОЗМОЖНОЕ ОСНОВАНИЕ ОТМЕНЫ ПРИГОВОРА В ПОРЯДКЕ СТ. 405 УПК РФ

А.А. Плашевская

В уголовно-процессуальной литературе по-разному оценивается возможность и необходимость включения в число «фундаментальных нарушений», предусмотренных ч. 3 ст. 405 УПК РФ, нарушений уголовного закона. Представляется, что решение этого вопроса является

принципиальным для определения дальнейшего пути развития национального надзорного производства.

Следует отметить, что анализ позиций Конституционного Суда РФ, высказанных им в его решениях, также не позволяет дать однозначный ответ на этот вопрос¹. На практике в качестве таких нарушений выступают нарушения, связанные с неправильным назначением наказания (его вида, размера и т.д.). Пересмотр в порядке ныне действующей редакции ст. 405 УПК РФ допускается при наличии фундаментальных нарушений только уголовно-процессуального закона. В связи с чем возникает вопрос: является ли такое ограничение оснований для пересмотра в порядке ст. 405 УПК РФ соответствующим Конституции РФ и решениям Европейского суда по правам человека?

В решениях Европейского суда по правам человека² указаны критерии, позволяющие отграничить фундаментальные нарушения, влекущие пересмотр вступившего в законную силу приговора, от всех иных нарушений, которые не могут являться основаниями такого пересмотра. Европейский суд устанавливал нарушение права заявителя на «доступ к правосудию», гарантированного п. 1 ст. 6 Конвенции, в российских делах, в которых судебное решение, вступившее в законную силу, отменялось вышестоящим судом по требованию государственного должностного лица или стороны в споре, не согласных с выводами о фактах

¹ См., например, постановление Конституционного Суда РФ № 13-П от 17 июля 2002 года, где он прямо признал неправильное применение норм ст. 70 УК Российской Федерации, выразившееся в неприсоединении неотбытой части наказания за предшествующее преступление к вновь назначенному наказанию, фундаментальным нарушением, влекущим пересмотр дела в порядке надзора // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. (39кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный. Однако в постановлении Конституционного Суда РФ 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» ничего не сказано о возможности признания нарушения норм материального закона в качестве фундаментальных. // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. (39кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.

² Постановления Европейского суда по правам человека по делам «Никитин против Российской Федерации» от 20 июля 2004 года; «Братякин против Российской Федерации» от 6 марта 2006 года; «Фадин против Российской Федерации» от 27 июля 2006 года; «Нелобин против Российской Федерации» от 2 ноября 2006 года // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. (39кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.

или с применением норм материального права. Европейский суд указывал, что в отсутствие существенных нарушений в ходе предыдущего разбирательства несогласие стороны с мнением судов первой и второй инстанций не является обстоятельством существенного и неотложного характера, требующим отмены вступившего в силу решения и возобновления разбирательства по делу заявителя¹.

По мнению Европейского суда, только фактические ошибки которые не могут быть устранены в порядке обычного обжалования, поскольку выявлены после вступления решения в законную силу, могут считаться обстоятельством существенного и неотложного характера, оправдывающим отступление от принципа правовой определенности. Такие ошибки могут быть устранены в порядке возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Таким образом, Европейский суд не рассматривает нарушение материального закона в качестве «фундаментального нарушения», могущего являться основанием для пересмотра приговора в порядке надзора.

Представляется, что требования правовой определенности предопределяют невозможность расширения понятия «фундаментальных нарушений» за счет включения в их число нарушений уголовного закона. Думается, что последние должны служить основаниями для работы обычных проверочных инстанций (апелляции и кассации), более доступных организационно, в том числе и для потерпевшего, который может оспаривать приговор по мотиву нарушения норм материального закона, тем более, как показывает практика, оспариваемые нарушения уголовного закона являются весьма очевидными, а значит, достаточно выявляемыми.

В связи с чем, учитывая ст. 15 УПК РФ, неиспользование стороной права на обжалование приговора в апелляционном и кассационном порядке по мотиву нарушения материального закона (отказ от реализации права) ни в коей мере не должно компенсироваться за счет использования исключительной (резервной) стадии, которая и так сама по себе является вторжением в принцип «исполнимости и устойчивости» судебных решений.

¹ См., напр.: Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Довгучиц против Российской Федерации» от 7 июня 2007 года; Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Кот против Российской Федерации» от 18 января 2017 года // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф. сетевая. Электрон. дан. (39кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный.